Человек в черном костюме

Автор:
Стивен Кинг

Человек в черном костюме

Стивен Кинг

«Теперь я уже очень стар, а все это случилось со мной, когда я был еще мальчишкой – девяти лет от роду. Случилось в 1914 году, через несколько месяцев после того, как умер мой брат Дэн, и за три года до того, как Америка вступила в Первую мировую войну. Никогда ни единому человеку на свете еще не рассказывал я, что произошло со мной в тот день у развилки ручья. И никогда не расскажу… во всяком случае, устно. Предпочитаю написать об этом и оставить тетрадь на столике возле своей кровати. Писать долго трудно, потому что руки у меня в последнее время сильно дрожат, былой силы в них почти не осталось. Впрочем, не думаю, что это займет много времени…»

Стивен Кинг

Человек в черном костюме

Теперь я уже очень стар, а все это случилось со мной, когда я был еще мальчишкой – девяти лет от роду. Случилось в 1914 году, через несколько месяцев после того, как умер мой брат Дэн, и за три года до того, как Америка вступила в Первую мировую войну. Никогда ни единому человеку на свете еще не рассказывал я, что произошло со мной в тот день у развилки ручья. И никогда не расскажу… во всяком случае, устно. Предпочитаю написать об этом и оставить тетрадь на столике возле своей кровати. Писать долго трудно, потому что руки у меня в последнее время сильно дрожат, былой силы в них почти не осталось. Впрочем, не думаю, что это займет много времени.

Позже кто-нибудь найдет эти мои записи. Человек любопытен по природе своей и никогда не упустит возможности заглянуть в оставленную другим тетрадь под названием «ДНЕВНИК», особенно если автор его отошел в мир иной. Так что написанное мною почти наверняка будет прочитано, уверен в этом. Другое дело, поверят написанному или нет. Почти с той же уверенностью смею заметить, что нет, но это не важно. Меня интересует не это, а свобода. А писание, как я обнаружил, как раз и может дать человеку такую свободу. На протяжении почти двадцати лет я писал в колонку под названием «Давно и далеко» в газете «Колл», издаваемой в Кэстл-Рок. И по опыту знаю, что чаще всего так и получается: стоит написать о каком-то событии, и оно перестает мучить тебя. Оставляет в покое, уходит, точно изображение на старых выцветших снимках – с каждым днем становится все светлее, стирается, блекнет, пока не остается лишь желтовато-белый прямоугольник бумаги.

И я молю Создателя о таком утешении.

Старцу под девяносто давно пора бы расстаться с детскими страхами, но по мере того, как немощь медленно, но верно берет верх, наползает на тебя, точно лижущие берег волны, постепенно подбирающиеся к замку из песка, это ужасное лицо все явственнее встает перед глазами. Грозно сверкает, подобно темной звезде в созвездии моего детства. Все, что я мог сделать еще вчера, кого я мог видеть здесь, в этой комнатке дома для престарелых, все, что я говорил им или они мне… все это исчезло, пропало, растаяло вдали. А вот лицо человека в черном костюме становится все четче, все ближе. И я до сих пор помню каждое его слово. Мне вовсе не хочется думать и вспоминать о нем, но я, против воли, думаю и вспоминаю все время. А иногда по ночам мое одряхлевшее сердце начинает стучать так быстро и сильно, что, кажется, вот-вот вырвется из груди. И вот я беру авторучку, снимаю с нее колпачок и заставляю старую дрожащую руку выводить в дневнике эти строки, описывать этот бессмысленный и странный случай. Дневник подарила мне правнучка… черт, никак не могу вспомнить ее имя, во всяком случае, сейчас, но точно знаю, что начинается оно с буквы «С». Она подарила мне этот самый дневник на прошлое Рождество, и до этого момента я не написал в нем ни строчки. Но сейчас напишу. Опишу, как повстречал того человека в черном костюме на берегу Кэстл-Стрим летом 1914 года.

Городок под названием Моттон был в те дни совсем отдельным, особым мирком – слов не хватит описать, насколько отличался он от сегодняшнего

провинциального американского городка. То был мир без аэропланов, гудящих над головой, мир, где автомобили и грузовики были редкостью. Мир, где небо не разрезали на прямоугольники и квадраты провода высоковольтных линий.

Во всем городке не было ни одного мощеного тротуара. Единственными же признаками цивилизации в нем были: универмаг Корсона, конюшня и лавка по торговле скобяных товаров Тутта, методистская церковь на Крист Корнер, школа, муниципалитет да ресторанчик «У Гарри» в полумиле от центра, который моя мама с плохо сдерживаемым неодобрением в голосе называла «питейным заведением».

Но главное различие было в том, как жили тогда люди. Насколько они тогда были разделены. Не уверен, что люди, родившиеся во второй половине двадцатого века, могут похвастаться тем же. Хотя, грех жаловаться, они изо всех сил стараются быть приветливыми и вежливыми со стариками, подобными мне. Никаких телефонов в ту пору в Западном Мэне не было. Первый установили только лет через пять, а у нас в доме телефон появился, лишь когда мне исполнилось девятнадцать, я тогда поступил в Университет Мэна в Ороно.

Но это еще цветочки. На всю округу был лишь один врач, в Каско, а весь городок состоял из дюжины домов, не больше. Никаких соседей в нынешнем понимании этого слова тогда не было (не уверен даже, что нам было знакомо само это слово, «соседи», хоть люди и дружили, и собирались вместе, как правило, в церкви и на танцах у амбара). А вот пустующие поля были скорее исключением, нежели правилом. Городок окружали фермы, удаленные одна от другой на значительное расстояние; с декабря по март все жители торчали по домам и грелись у печек, семьями. Сидели и слушали завывание ветра в каминных трубах. И от души надеялись, что ни один из членов семьи не заболеет, не сломает ногу или руку или, не дай Бог, не свихнется, подобно одному фермеру, что жил неподалеку от Кэстл-Рока. Этот самый фермер три года тому назад вдруг ни с того ни с сего зарезал свою жену и троих ребятишек, а позже в суде говорил, что сделать это его заставили злые духи. В те дни, перед Первой мировой, окрестности Моттона состояли сплошь из непролазных лесов и болот, где кишели москиты, водились лоси, змеи и прочая нечисть. В те дни злые духи были повсюду.

То, о чем я собираюсь рассказать, случилось в субботу. Отец выдал мне целый список заданий, в числе прочих там были и такие, что пришлось бы исполнять

Дэну, будь он жив. Дэн был моим единственным братом и скончался от укуса пчелы. С тех пор прошел почти год, но мама все отказывалась в это верить. И говорила, что причина смерти наверняка крылась в чем-то другом, что человек просто не может умереть от укуса пчелы. И когда однажды Мама Свит, самая старая дама из женского благотворительного общества при методистской церкви, прошлой зимой попробовала объяснить ей, что то же самое произошло с ее любимым дядей еще в 1873 году, мама заткнула уши, вскочила и выбежала на улицу. И больше ни разу не зашла в церковь и ни разу не посетила ни одного заседания благотворительного общества, вопреки всем уговорам и увещеваниям отца. Она говорила, что раз и навсегда покончила с церковью и что если еще хоть раз встретится с Хелен Робичод (то было настоящее имя Мамы Свит), то выцарапает этой мерзавке глаза. Просто не сдержусь, всегда добавляла она.

В тот день отец велел мне принести дров для кухонной плиты, нарвать на огороде бобов и огурцов, натаскать на сеновал свежего сена, набрать два ведра воды, поставить их охлаждаться в погреб и соскоблить старую краску со стен подвала, сколько смогу. А после этого, сказал он, можешь пойти порыбачить. Если, конечно, не против пойти один, потому как он собирается повидать Билла Эвершема, потолковать с ним насчет коров. На что я ответил, что ничуть не против, и отец улыбнулся – с таким видом, точно заранее знал, что я скажу. Неделю назад он подарил мне новенькую бамбуковую удочку – не потому, что у меня был день рождения или что-то в этом роде, просто ему нравилось иногда дарить мне разные вещицы. И мне до смерти не терпелось опробовать ее в Кэстл Стрим, самом богатом форелью ручье из всех, где мне доводилось рыбачить.

– Но только смотри, в лес далеко не заходи, – предупредил меня отец. – Не дальше развилки.

– Хорошо, сэр.

– Обещай.

– Да, сэр. Обещаю.

– А теперь обещай то же самое матери.

Мы стояли на заднем крыльце. Я как раз собирался пойти к ключу с двумя ведрами воды, когда отец остановил меня. Он взял меня за плечо и развернул – я

увидел маму. Она стояла на кухне за мраморным разделочным столиком, освещенная потоком ярких солнечных лучей, врывавшихся сквозь двойные окна над раковиной. На лоб падал завиток светлых волос, касался брови – видите, с какой отчетливостью я до сих пор помню эту картину? Так и стоит перед глазами. Солнечный свет золотил этот маленький завиток, и мне захотелось подбежать к маме и крепко-крепко ее обнять. Наверное, в тот момент я впервые увидел в ней женщину, увидел маму глазами отца. Еще помню, на ней было ситцевое домашнее платье в мелких красных розочках, и она месила тесто. Кэнди Билл, наш маленький черный скотч-терьер, стоял настороже у ее ног. Стоял, задрав голову, в надежде, что ему хоть что-нибудь перепадет. А мама смотрела на меня.

– Обещаю, – сказал я ей.

Она улыбнулась, но какой-то тревожной и нерадостной улыбкой. Она начала улыбаться так с тех пор, как отец принес на руках Дэна с поля. Отец бежал бегом, он рыдал и был без рубашки. Рубашку он снял и обернул ею лицо Дэнни, которое чудовищно распухло и покраснело. «Мой мальчик! – кричал он. – Вы только посмотрите, что сталось с моим мальчиком! О Боже, мой мальчик!» Помню все, точно это случилось вчера. То был единственный на моей памяти случай, когда отец поминал имя Господа нашего всуе.

– Так что ты обещаешь, Гэри? – спросила мама.

– Обещаю, что не буду заходить дальше развилки, мэм.

– Ни шагу дальше.

– Ни шагу.

Тут она как-то устало посмотрела на меня, а руки меж тем продолжали делать свое дело, месить кусок теста, поверхность которого приобрела теперь маслянистый желтоватый оттенок.

– Обещаю, что и шагу не ступлю дальше, чем той развилки, мэм.

– Спасибо, Гэри, – сказала она. – И помни, грамматика существует не только в школе, она и в жизни всегда пригодится.

– Да, мэм.

Весь день Кэнди Билл так и бегал за мной как хвостик, не отставал, когда я работал по хозяйству, сидел у моих ног, когда я ел ленч, смотрел на меня с той же мольбой и сосредоточенностью, как на маму, когда та месила тесто. Но когда я взял новенькую бамбуковую удочку и старую потрескавшуюся корзинку для рыбы и вышел со двора, пес остановился и остался стоять в пыли у дороги, провожая меня тоскливым взглядом. Я позвал его, но терьер не сдвинулся с места. Лишь гавкнул пару раз, словно призывая меня поскорее вернуться, но следом не пошел.

– Ладно, оставайся, – сказал ему я таким тоном, точно мне было все равно. На самом деле мне было не все равно. Потому что Кэнди Билл всегда сопровождал меня на рыбалку.

Мама подошла к двери и тоже смотрела мне вслед, приложив руку козырьком к глазам, чтоб не слепило солнце. Так и вижу ее до сих пор, точно живую, – это все равно что разглядывать фотографию человека, который позже был очень несчастен или внезапно скончался. «Помни, что говорил тебе отец, Гэри!»

– Да, мэм. Обязательно.

Она махнула мне рукой. Я тоже помахал. А потом повернулся и зашагал по дороге.

Первые четверть мили горячее солнце немилосердно палило шею, но когда я вошел в лес, где над дорогой сгустились тени, повеяло прохладой. И еще там приятно пахло мхом, и было слышно, как шелестит в ветвях ветер. Я шагал, перекинув удочку через плечо, как делали в ту пору все мальчишки, а в другой руке нес корзинку для рыбы – ну, точь-в-точь коммивояжер с чемоданчиком, где у него образцы товаров. Пройдя по лесу примерно мили две, по дороге, являвшей собой две колеи с травянистой полоской посредине, я услышал

торопливое бормотание ручья под названием Кэстл Стрим. И тут же подумал о форели с радужно-пятнистыми спинками и белыми брюшками, сердце так и замерло в радостном предвкушении.

Ручей протекал под маленьким деревянным мостом. Круто спускающиеся к воде берега густо поросли травой и кустарником. Я стал осторожно спускаться вниз, цепляясь за ветки и стараясь тверже ставить ногу при каждом шаге. Мне показалось, что я попал из лета в весну. От ручья веяло свежестью, прохладой и резким запахом зелени. Подойдя к самой кромке воды, я остановился. И стоял, полной грудью вдыхая этот чудесный запах и наблюдая, как кружат над заводью стрекозы и скользят по воде водомерки. Вдруг чуть дальше за заводью выпрыгнула за бабочкой форель – такая славная крупная рыбина, дюймов четырнадцать в длину. И только тут я вспомнил, что пришел сюда не красотами природы любоваться.

Я пошел вдоль берега, вниз по течению, и первый раз забросил новенькую удочку в том месте, откуда был еще виден мост. Поплавок пару раз дернулся, я вытянул леску и увидел, что от червяка осталась половинка. Возможно, добыча оказалась слишком мелкой или рыба была не очень голодна и не стала рисковать, заглатывая всю приманку. А потому я решил перейти на новое место.

Еще два или три раза закидывал удочку, а потом вдруг понял, что дошел почти до самой развилки. До того места, где Кэстл Стрим раздваивается, и одна его половинка течет на юго-запад, к Кэстл Рок, а вторая – на юго-восток, где впадает в Кашвакамак. И вот именно в этом месте мне вдруг удалось поймать самую крупную в моей жизни форель на катушку с блесной, которую я постоянно держал в корзинке. Красавица, доложу вам, ровно девятнадцати дюймов в длину от носа до кончика хвоста! Даже в те дни то был настоящий великан, чемпион среди ручейных форелей!..

Если б я тогда счел, что этим подарком судьбы можно ограничиться, и двинулся бы к дому, то не писал бы всего этого сейчас (причем я уже понял, что писать придется еще ох как долго, так что советую вам набраться терпения). Но я тогда этого не сделал. Решил вместо этого заняться уловом, как учил меня отец. Выпотрошил рыбину, очистил от чешуи, потом положил ее на сухую траву на дно корзины, а сверху прикрыл свежей травой. И двинулся дальше. Видно, тогда, девяти лет от роду, я вовсе не считал поимку ручейной форели девятнадцати дюймов в длину столь уж замечательным и необыкновенным событием. Хоть и дивился тому, как это не порвалась у меня леска, когда я неумело и неуклюже

подтягивал к берегу бьющуюся на крючке и изогнутую дугой пятнистую красавицу.

И вот десять минут спустя я оказался у того места, где ручей разветвлялся надвое (теперь этого места нет и в помине; там, где пролегало устье Кэстл Стрим, настроили домов на две семьи каждый, там же находится районная средняя школа, а русло ручья если и сохранилось, то пролегает под землей). В той точке, где два потока расходились в разные стороны, высилась огромная серая скала величиной с наш дом. А берег там был широкий, открытый, весь порос мягкой светло-зеленой травкой, и с него открывался вид на место, которое мы с отцом называли Южной Веткой. Я присел на корточки, забросил удочку, и почти тотчас же на приманку клюнула чудесная радужная форель. Нет, конечно, ей было далеко до моей красавицы-рекордсменки – длиной всего в фут, не больше, – но все равно славная рыбина. Я выпотрошил и ее, снял чешую, пока не затвердела, и уложил в корзинку. А потом снова закинул удочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/stiven-king/chelovek-v-chernom-kostyume

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить